

Не верь, не бойся, спроси, переспроси

Что вынуждены делать с книгами популярных авторов, объявленных «врагами народа», бедные российские библиотекари

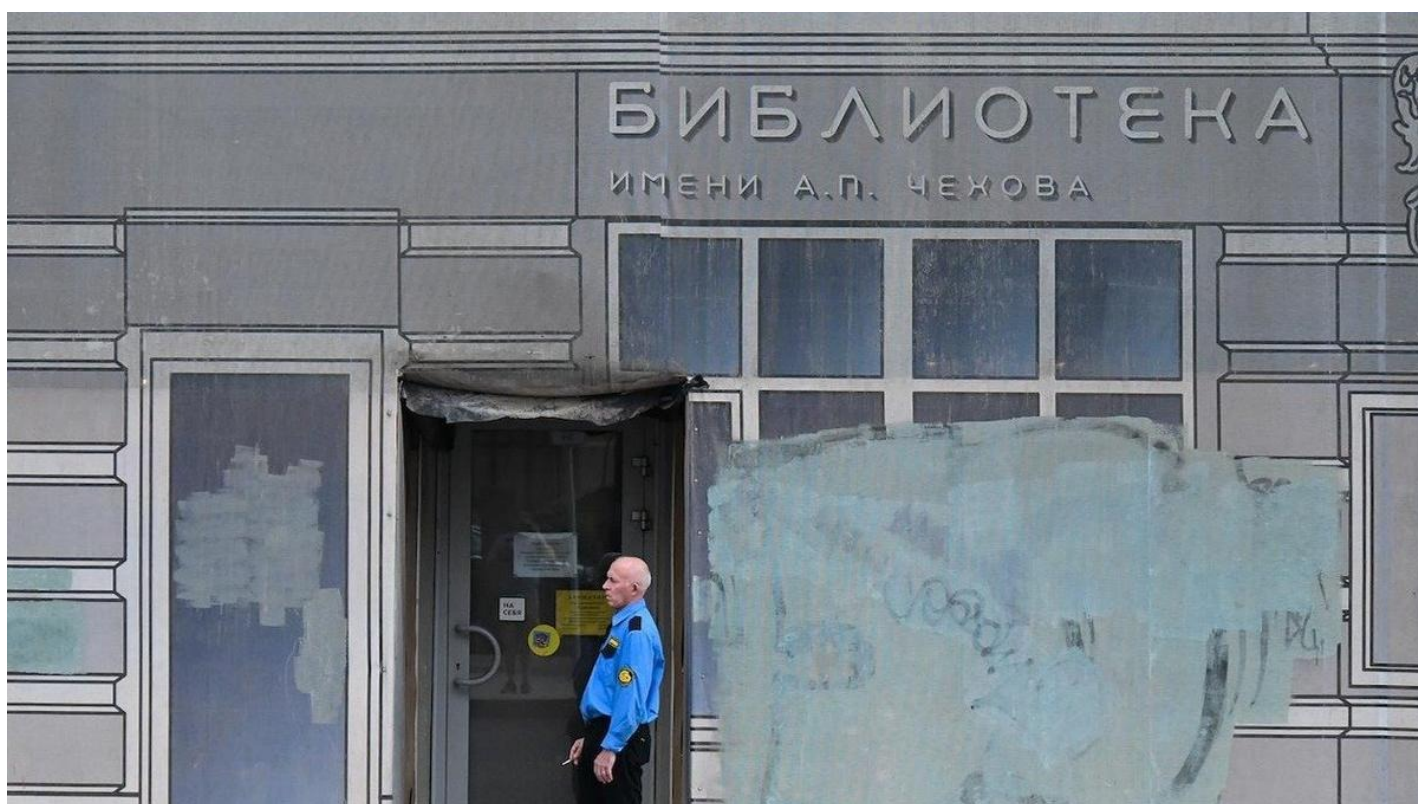

Фото: Иван Водопьянов / Коммерсантъ

15:38, 16 апреля 2024,

Надежда Андреева

собкор по Саратовской области

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Ограничить доступ к книгам «иноагентов» в библиотеках предлагают депутаты Госдумы. Представители «ЕР», «Справедливой России» и «Новых людей» разработали поправки к закону «О библиотечном деле», согласно которым Министерство культуры определит особые правила предоставления «документов, авторами которых являются иноагенты и лица, включенные в перечень террористов и экстремистов». Сейчас, по мнению законодателей, в библиотеках «пропагандируются авторы, деятельность которых направлена против безопасности РФ».

Один из авторов законопроекта — председатель парламентского комитета по культуре Елена Ямпольская — еще два года назад инспектировала книжные магазины Москвы на предмет «рекламы предателей». Весной 2022 года она выложила в соцсетях фотографию полок с книгами Акунина*, Быкова*, Глуховского* и Парфенова. Депутат пообещала задать «неприятные вопросы» владельцам магазинов.

В феврале нынешнего года депутат Госдумы Андрей Луговой призвал провести рейд по магазинам, в которых продают книги «предателей-спонсоров ВСУ и их пособников». «Прикрываясь былыми творческими заслугами, они продолжают получать барыши с продаж. Нужно купировать этот финансовый хвост», — заявил парламентарий.

«Эти книги больше не выдаются»

На окне областной научной библиотеки приклеен листок с надписью «Здесь ведется сбор литературы для ЛНР». В холле стоят коробки с потертыми сборниками детских стихов и букварями. В отделе абонеента ни одного посетителя. Подаю библиотекарю листок с названиями книг. «Этих авторов мы недели три назад убрали. В каталоге они есть, но на руки

больше не выдаются», — качает головой женщина в полосатом платье, сидящая за конторкой. Глядя в сторону, объясняет, что книги не уничтожили, «будет закрытое хранение, как в советское время». «Вам не жаль?» — спрашиваю. Библиотекарь неопределенно пожимает плечами. Видно, что разговор ей не нравится.

Список писателей-«иноагентов» размещен на портале «Год литературы», созданном по решению оргкомитета по поддержке книгоиздания и чтения под председательством главы внешней разведки Сергея Нарышкина. В перечне (на момент подготовки материала) — 37 фамилий. Судя по электронному каталогу, в фондах областной «науки» имеются произведения пятерых — Архиповой*, Быкова*, Берсеновой*, Веллера* и Улицкой*. Авторские коллекции небольшие: одна книга Архиповой*, четыре — Берсеновой*, семь — Быкова*. В основном это издания до 2005 года.

Областная библиотека — самая большая и хорошо укомплектованная в регионе. Можно предположить, что в библиотеках рангом пониже изданий популярных вольнодумных авторов еще меньше.

В каталоге роскомнадзорской плашкой промаркированы карточки не только книг «иноагентов», но и университетские учебники, и даже авторефераты кандидатских диссертаций по литературоведению, в которых упоминаются фамилии запрещенных писателей.

«Улицкая была в списке обязательного чтения по современной

русской литературе, — вспоминает филолог Марина (*имя героини изменено, она считает вопросы о творчестве «иноагентов» опасными.* — Н. А.). — По-настоящему я ее поняла уже после университета. Если раньше я считала любимым героем Маленького Принца, то, прочитав Улицкую, могу сказать: самый любимый — Даниэль Штайн. Он стал для меня важной фигурой, потому что искал возможность диалога в любой ситуации. Это символ того, что люди могут договариваться».

Неудивительно, что такую книгу сейчас не допускают к читателям.

«Большие штрафы, большие сроки»

Акунин — самая запретная из запретных фамилий. Он не просто считается «иноагентом», но и внесен в перечень террористов и экстремистов. В областной библиотеке не только нет его книг на полках, не осталось даже упоминаний в электронном каталоге.

«У перечня террористов и экстремистов есть четко прописанные функции и очень ограниченная категория субъектов, обязанных за этим перечнем следить. Он создавался для кредитных организаций, которые обязаны блокировать счета обвиняемых и осужденных по экстремистским и террористическим статьям. Книготорговые организации и библиотеки здесь совершенно ни при чем, — говорит медиаюрист Светлана Кузеванова, автор телеграм-канала «Кузеванова рассказывает». — Внесение автора в перечень не означает, что все его книги автоматически попадают под запрет. Но название реестра звучит очень громко и страшно, намекает на большие штрафы, большие сроки. Понятно, почему люди предпочитают перестраховаться».

Признание писателя «иноагентом» также не означает, что его

книги запрещены. Согласно Федеральному закону «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», книги «иноагентов» должны быть промаркированы значком 18+. Как объясняет Кузеванова,

продавать их можно в запечатанной упаковке на расстоянии не меньше 100 метров от детских учреждений. В библиотеках их можно выдавать только совершеннолетним.

«Читать Акунина я начал лет 25 назад. Жена приучила, вот я и втянулся», — вспоминает системный администратор Анатолий. Прочитав одну из книг фандоринского цикла, он захотел купить «Азазель», но в магазинах ее уже не было. «Читать с компьютера было неудобно — это был 2001 год, выпуклые мониторы. Я скачал текст из пиратской библиотеки, сам сверстал и распечатал».

Несколько лет назад Толя так же самостоятельно напечатал себе «Фантастику» из цикла «Жанры». Говорит, что ему показалось проще сверстать книжку за вечер, чем ходить по магазинам. «Редактора и корректора у меня нет. Сам вычитываешь, правишь, сноски расставляешь. Книга становится такой родной», — улыбается он.

Фото: Надежда Андреева / «Новая газета»

Как он говорит, признание Акунина «иноагентом» вызвало у него только один вопрос: «А почему только сейчас? Давно было понятно, что он несовместим с российской действительностью». Никаких проблем с доступом к книгам запрещенного автора собеседник не видит: «Депутаты могут хоть с шашкой наголо скакать по библиотекам и магазинам. У меня по-прежнему принтер есть».

«В крайнем случае останутся толкучки»

«Я читаю Акунина 20 лет. Начинала, как и все, наверное, с Фандорина. Потом открыла для себя Улицкую. В 2010-х начала читать Глуховского* — серию «Метро», «Текст». Эти люди, их творчество — это все мое. Читаю, люблю и не брошу», — рассказывает Елена. Она живет в районном поселке, работает в краеведческом музее.

Елена научилась читать в три года: «Читала все подряд с книжной полки деда — от орнитологических атласов до справочника овощевода. В школе проглотила все, что было в библиотеке. В университете нашла Маркеса. Это был четвертый курс. Поздняя весна. Я скучала на последней лекции. Думала, как тяжело тащиться два часа в автобусе домой. Увидела у сокурсницы книжку «Сто лет одиночества». «Незнакомая фамилия автора. Надо попробовать», — подумала я. И пропала на три дня. Не помню, как приехала домой, что ела, спала ли. Этот язык Маркеса, оплетающий, как заклинание. Ты проваливаешься в эту Колумбию, и тебе хорошо», — вспоминает Елена.

Даррелл, Толкин, Абгарян, Ротфусс, Мартин, Пулман, Мосян Тунсю, Старобинец, Яна Вагнер — Елена читает самых разных авторов. Книги в ее доме везде, «а в огороде мне читает умная колонка». «Я книжный маньяк», — смеется собеседница.

У нее двое детей. В книжном шкафу — коллекция великолепно изданных «Русалочек» и «Снежных королей»: «Люблю хорошую бумагу, чтобы пальцы пели, когда трогаешь страницы».

Поселковая библиотека не может себе позволить качественные издания. Вместо того чтобы помочь наполнить книжные полки, государство занялось литературной зачисткой. «В прошлом году книги «иноагентов» убрали со столика с табличкой «Рекомендуем прочитать». Теперь они стоят на задней полке. Их выдают, только если человек спрашивает конкретного автора и наименование, и просят сразу убрать книгу в сумку, — рассказывает Елена.

— Библиотекари говорят, что специальных указаний сверху им не поступало. Они сами решили перестраховаться, чтобы не

провоцировать посетителей — вдруг придет какой-нибудь заполошный».

Собеседница сожалеет, что не успела купить «Алмазную колесницу» Акунина. «Я хотела книгу определенного года выпуска, из определенного тиража. Думала, что со временем смогу ее найти. Но оказалось, что времени уже нет», — вздыхает Елена. Несколько книг Акунина и Глуховского лежали в ее корзинах на маркетплейсах — покупательница собиралась оплатить товары, когда будут свободные деньги. Но внезапно ссылки на книги исчезли. На букинистических сайтах книги «иноагентов» еще продаются, но цены взлетели на порядок: та же «Алмазная колесница» подорожала с 300–400 рублей до 4 тысяч.

«В крайнем случае останутся толкучки, — бодрится Елена. — Люди, которые продают там книги, вряд ли сверяются со списком «иноагентов». Одно плохо: состояние товара на этом рынке — «если не брезгуешь».

Что делают библиотекари вечером в пятницу?

Сообщения о библиотечных скандалах, связанных с неудобными книгами, появились осенью 2022 года. В Москве происходящее обсуждалось на уровне разговоров в соцсетях.

- Одна из жительниц Юго-Западного округа [пожаловалась](#) на то, что ее маме отказались выдать книги Гузель Яхиной и Бориса Акунина (на тот момент еще не признанного «иноагентом» и не внесенного в перечень экстремистов). Сотрудники библиотеки объяснили, что авторы занесены в некий «список».
- Другая жительница столицы рассказала в Facebook** о том, как хотела пожертвовать в библиотеку книги, но ей показали

«**список авторов**, которые изымаются, либо фонды не могут пополняться их книгами». В перечне было 29 фамилий, в том числе Иван Вырыпаев, Владимир Войнович, Джордж Оруэлл, Джо Аберкромби, Джоан Роулинг, Нил Гейман, Стивен Кинг.

- Подписчица **канала** сообщила, что сотрудники одной из московских библиотек получили поручение убрать с полок произведения «иноагентов» и другую «свободную литературу» в связи с проверкой прокуратуры. Представители власти **опровергали** слухи, отмечая, что такие истории в культурных учреждениях просвещенной столицы «просто немыслимы».

В провинции представители библиотек рапортовали о борьбе с сомнительной литературой в региональных СМИ.

- «В Центральной городской библиотеке имени Сергея Есенина книги иноагентов уже начали убирать с общедоступных полок. Теперь книги этих авторов будут храниться в архивном отделе. Войти в него можно только с сотрудником библиотеки», — **сообщали** в ноябре 2022 года из Липецка.
- В краевой детской библиотеке Красноярска журналистам **объяснили**, что «работа по маркировке и перемещению таких книг в закрытый фонд ведется уже почти год: каждую пятницу сотрудники библиотеки проверяют реестр иноагентов и наличие их книг в каталогах». Во взрослых библиотеках получить такие произведения можно по документу, подтверждающему возраст. «Просьба показать паспорт — стандартная практика сегодня, в том числе и для книжных магазинов, так как часть литературы имеет маркировку 18+», — пояснили в краевом министерстве культуры.
- В Омске департамент культуры **подсчитал**, что в местных библиотеках хранятся книги восьми авторов-«иноагентов». С осени 2022-го здесь прекратили закупать литературу этой категории.
- В Новосибирске «нехорошие» издания **убрали** из свободного

доступа позже — в 2023 году. «Списание книг, авторами которых являются иноагенты, не производилось. В настоящее время в фонде имеются книги не более чем пяти авторов-иноагентов. Спросом эти издания не пользуются», — рассказали в Новосибирской областной молодежной библиотеке.

- В Крыму об отправке книг «иноагентов» в спецхран **отчитались** в феврале 2024-го. «Книги иноагентов из фондов не изымают, но читать их граждане могут только после 18 лет», — отметили в министерстве культуры полуострова.

Фото: Руслан Шамуков / ТАСС

Опальные книжки доставляют библиотекарям немало головной боли.

- Во-первых, для них **нужно найти «помещение, отделенное от доступного несовершеннолетним пользователям общего зала»**. В маленьких библиотеках, ютящихся при

домах культуры, никакой второй комнаты может не быть. В таком случае издания следует изолировать «в отдельно стоящем книжном шкафу, находящемся под непосредственным контролем сотрудника (чаще всего — за спиной библиотекаря)».

- Во-вторых, **нельзя просто наклеить на обложку бумажку с надписью «18+».** Нужно созвать комиссию по возрастной классификации информационной продукции, для чего необходимо принять Положение о порядке классификации, Положение о комиссии, Приказ о назначении членов комиссии и План работы комиссии на год.
- В-третьих, **надо внести роскомнадзорские плашки в электронный и карточный каталог, на сайт и страницы учреждения в социальных сетях, если произведение «иноагента» там упоминается.**

В законе четко не сказано, можно ли использовать такие книги для библиотечных выставок и проводить встречи с авторами. «Законодательство пока не ограничивает такую возможность. Однако популяризация произведений, созданных иностранными агентами, может привести к конфликтам с читателями», — [напоминает](#) Московская губернская универсальная библиотека.

«Рассказы о Родине» для зумеров

«В Центральной городской библиотеке в Нижнем Новгороде книги «иноагентов» убрали со всех полок, и даже тем, кто спрашивает именно этих авторов, говорят, что их нет. В районной библиотеке «иноагентов» собрали на стеллаж в отдельной комнате. Их можно взять. Только работники спрашивают сначала: «Знаете ли вы, что автор объявлен иноагентом?» Я проверяла сайт библиотеки, довольно много таких книг «на руках», то есть читательский спрос на эту литературу есть», — рассказывает студентка София.

По ее мнению, иноагентская плашка становится для читателя «в каком-то смысле почетным» знаком, помогающим найти авторов, «на творчество которых стоит обратить внимание».

Пиратские экземпляры их книг девушка без проблем находит во «ВКонтакте» или телеграм-боте Flibusta. Дмитрий Глуховский после объявления «иноагентом» сам выложил в телеграм pdf-версии своих книг.

София рассказывает, что еще в школе прочитала «Метро». Поступив в вуз, решила написать курсовую по «Рассказам о Родине». «Моя научная руководительница дала добро. Меня попросили только вставить плашку об иноагентстве в текст работы», — говорит девушка. По ее словам, учеба в Нижнем Новгороде «дает гораздо больше свободы в плане научного обращения к авторам с оппозиционными взглядами, чем в Москве или Питере».

За несколько дней до защиты курсовой произошел мятеж Евгения Пригожина. «Мне пришлось делать устную ремарку о том, что произведение писалось до событий последних лет в России, а моя работа — до событий последней недели, — отмечает София. — На тот момент Глуховский уже был обвинен в распространении фейков об армии, уголовное дело находилось в суде. На мою работу и оценку его статус никак не повлиял».

Для диплома студентка решила найти «менее спорную тему, проходящую по критерию «не посадят, если буду поступать в магистратуру в другом вузе». Выбрала творчество Балабанова.

«Мне непонятно, зачем депутаты привязались к библиотекам.

По-моему, там нет ни книг «иноагентов», ни тех, кто их читает», — пожимает плечами выпускник саратовского технического университета Никита. Последний раз он добровольно приходил в библиотеку 15-летним подростком. «Захотелось почитать кельтскую мифологию. Но ее там не было. И никакой другой тоже не было. Стоит одна книжка Куна про Древнюю Грецию лохматого года издания», — вспоминает Никита. Как и многие ровесники, он считает библиотеку «унылым учреждением, обслуживающим нужды школьной программы».

Молодой человек книги в основном слушает или читает с экрана. Большею частью это не художественная литература, а non-fiction. «Лекции Быкова по литературе, лекции Эйдельман* по истории — это аудио. В бумаге два года назад купил Зыгаря* «Все свободны». Зашел как-то в «Фикс-прайс», вижу — книжечка за 160 рублей, про выборы. Литературы по новейшей истории, за исключением учебников Мединского, не так уж много. Мне хотелось понять, в какой исторический момент все пошло не так».

В цифровом формате саратовец читал «Унеси ты мое горе» Гордеевой*, не изданную в России.

«В книге приведены конкретные даты, совсем недавние. Я помню, что я делал в тот или иной день. Оказывается, в тот же самый день людям нечего было пить и есть. Теперь я лучше понимаю другую сторону», — говорит Никита.

Молодой человек читает по дороге из дома на работу и обратно. На поездки в общественном транспорте у него уходит по четыре часа в день. «Цифровая или аудиокнига — это безопаснее, чем печатный том с плашкой на обложке. Я же не могу предугадать,

кто окажется со мной в автобусе», — отмечает собеседник.

Во вполне легальных электронных библиотеках цифровые версии книг «иноагентов» доступны, как и прежде, причем в некоторых — даже без маркировки. «Если их сотрут, включить VPN и поискать на торрентах — не адски сложно. Роскомнадзор постоянно пытается «блокнуть» VPN, но на все сразу силенок не хватит. Если заблокируют один, я всего лишь отложу чтение на час и найду другой, — говорит собеседник. — Это не советское время, когда приходилось совершать много лишних движений, чтобы добраться до самиздата».

По подсчетам компании MediaScore, 44% россиян читают книги онлайн, 33% — слушают аудиокниги. Отечественный рынок электронных книг рос в последнее время по 30–40% в год. В 2022-м показатели, наоборот, **упали** на 3–10% из-за ухода платежных сервисов и блокировки соцсетей. В 2023-м, по оценкам гендиректора группы компаний «ЛитРес» Сергея Анурьева, «рынок вернулся к росту». Первые места в рейтинге по числу проданных экземпляров занимают «К себе нежно. Книга о том, как ценить и беречь себя» Ольги Примаченко и «Роман с самим собой. Как уравновесить внутренние ян и инь и не отвлекаться на всякую хрень» Татьяны Мужичкой.

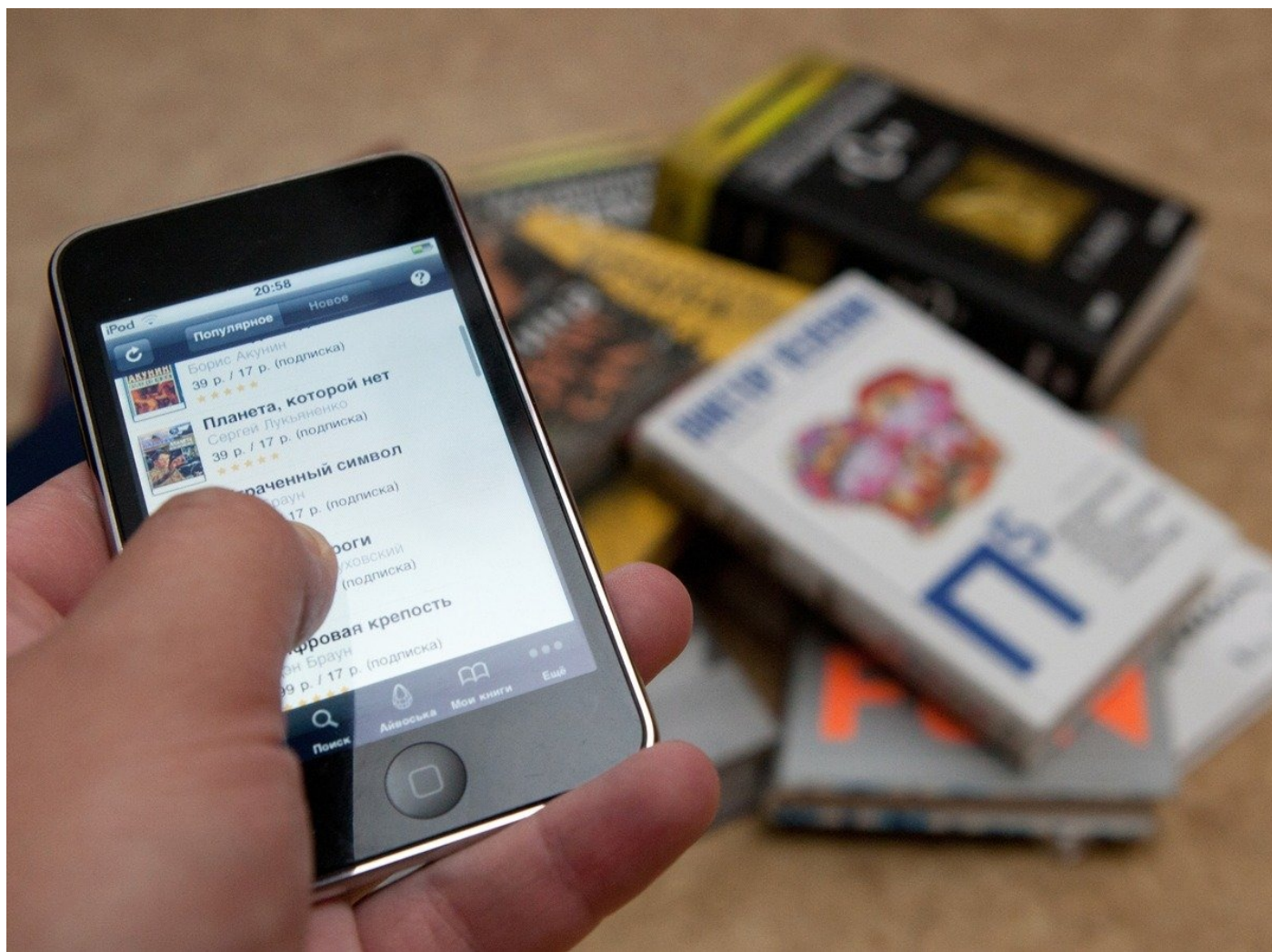

Фото: Антон Белицкий / ТАСС

Место для подвига

«Иноагенты» — не главная проблема библиотек. С 2014 года федеральный бюджет перестал финансировать закупки книг для муниципальных библиотек. Министерство культуры РФ объяснило, что «основной задачей на сегодня является перевод информации с бумажных носителей в электронный вид». Президент Российской библиотечной ассоциации Владимир Фирсов [назвал](#) прекращение трансфертов «катастрофой», ведь «отмена федерального финансирования повлекла за собой отмену финансирования со стороны субъектов».

К 2018 году [ситуация](#) в муниципальных библиотеках стала кризисной. «От 60 до 80% новых поступлений в муниципальных библиотеках представлены дарами и пожертвованиями, то есть библиотеки стали скатываться к так

называемому народному комплектованию», — писали представители ассоциации.

Три года назад трансферты на закупку книг возобновились. В 2021 году федеральный бюджет выделили 550 миллионов рублей. Деньги пришли в ноябре. Освоить их нужно было до 1 декабря.

В 2022-м средства перевели вовремя. Сумма осталась прежней, а книги подорожали на 20–25% — это если рассматривать только отпускные цены издательств. Удалось купить 1,7 миллиона экземпляров книг. В Стратегии развития библиотечного дела, утвержденной за год до начала СВО, на 2022 год было запланировано поступление в фонды «не менее 12 миллионов экземпляров».

Субсидия распределяется по библиотекам исходя из количества жителей на территории обслуживания. В результате сельские библиотеки получили за год в среднем по 8,7 тысячи рублей и смогли закупить по 21 книге. Небольшие городские библиотеки-филиалы — по 16 тысяч рублей и приобрели по 70 книг.

Как отмечают эксперты, школьные библиотеки вообще не получают финансирования на закупку художественной литературы — только на учебники.

По мнению специалистов Российской национальной библиотеки, субсидию на комплектование нужно увеличить в четыре-пять раз.

Библиотечные проблемы — не только в деньгах, но и в кадрах. По статистике, больше 32% персонала библиотек — сотрудники

старше 55 лет. Группа специалистов до 30 лет считается самой малочисленной — 7,8%. У четверти библиотек за последние три года не было притока молодых сотрудников. [По сведениям](#) Российской государственной библиотеки для молодежи (РГБМ), проводившей социологическое исследование среди работников отечественных библиотек, больше 60% респондентов попали в профессию случайно. «Во внешней среде сложилось определенное мнение: библиотека — это место, где принимают всех», — отмечает директор РГБМ Ирина Михнова.

Фото: DPA / TASS

«Крохотная надежда, что все еще может наладиться»

Технология изъятия популярной книги с библиотечных полок была обкатана в Екатеринбурге летом 2022 года. Под зачистку

попала детская книга «Полынная елка», рассказывающая о семье российских немцев, депортированных в 1941 году. Повествование ведется от лица маленькой девочки, описывающей жизнь в сибирской деревне военных лет. Семья живет так бедно, что даже на Рождество для детей наряжают не елку, а кустик полыни.

«Это не веселая рождественская история, не красивая выдумка, написанная для чтения под елкой. Это книга о жестокости, боли, страдании и крохотной надежде, что все еще может наладиться», — [пишет](#) в отзыве о книге юная читательница Полина.

«Полынная елка» была издана в 2017 году. За пять лет вышло четыре тиража. Писательница Ольга Колпакова часто проводила обсуждения книги с маленькими читателями в библиотеках. «На презентации мы обсуждали с детьми такой вопрос: «У тебя есть 24 часа и один рюкзак, чтобы уйти из родного дома навсегда. Что ты туда положишь?» — рассказывала Ольга Колпакова в интервью. — Интересно смотреть на реакцию детей: как они этот рюкзак упаковывают, и вдруг выясняется, что кто-то забыл котенка, кто-то не знает, что делать с рыбками. В такие моменты дети начинают осознавать вещи, о которых раньше не думали».

Умение думать и ставить себя на место того, кто объявлен врагом, — совсем не те качества, которые государство пытается воспитывать в школьниках в течение последних двух лет.

В июле 2022-го Колпакова рассказала на своей странице во «ВКонтакте» о том, что ее книгу изымают из библиотек Екатеринбурга. Основанием стал телефонный звонок из

областного министерства культуры. Библиотекарям заявили, что, по заключению некоего эксперта, книга искажает исторические данные, использовать ее больше нельзя. «Зафиксируем начало репрессий в детской литературе», — отметила писательница в своих соцсетях.

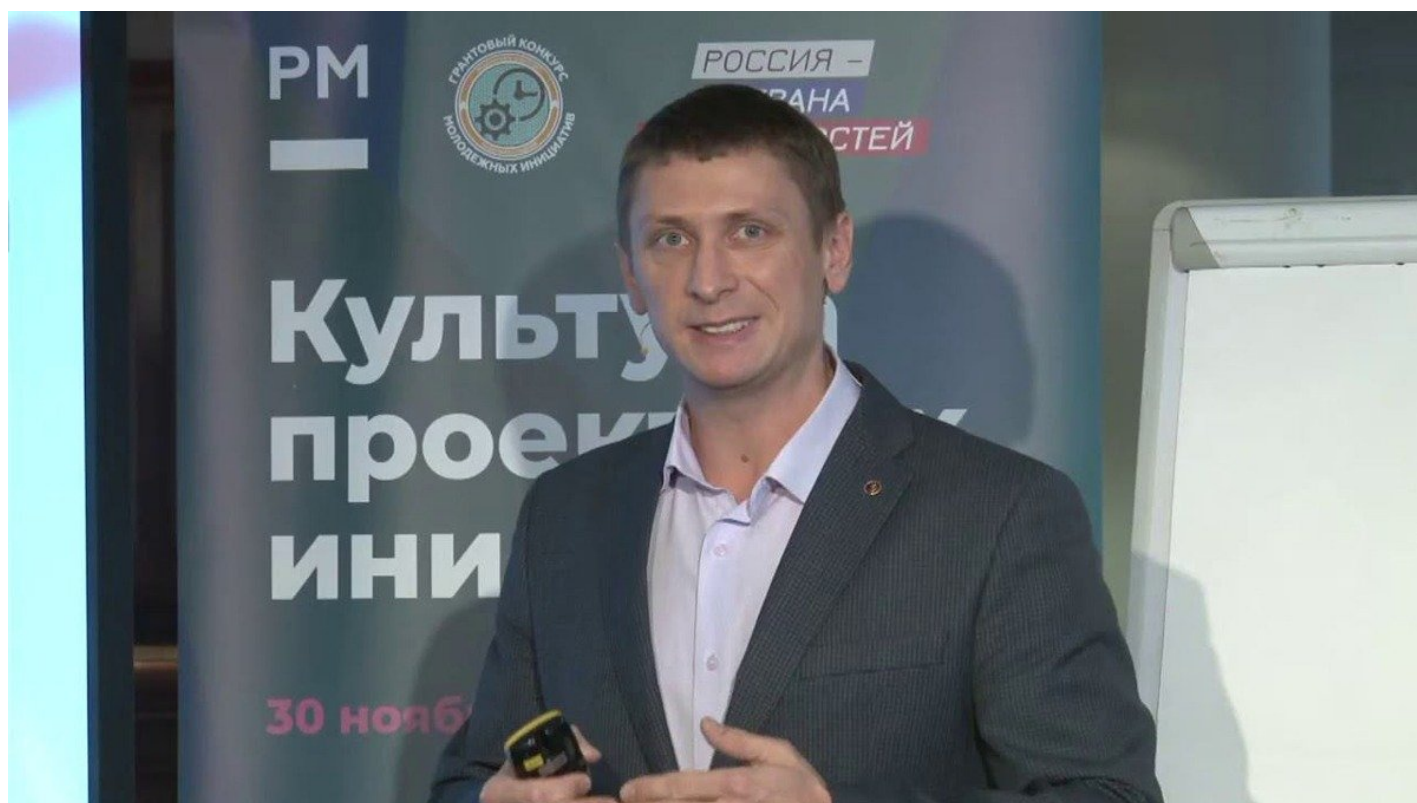
По словам Колпаковой, ее поразило «беспрекословное подчинение». Только одна библиотека отказалась убрать книги без официального документа. «Другие повиновались молча: «Да, мы пять лет работали с этой книгой, она нам нравится, но что поделаешь, если теперь дан приказ читать ее по-другому». Как прикажете — так и сделаем», — говорила Колпакова в интервью.

«Мы сожалеем о том, что принимающие решения люди не только сами, возможно, не читали книгу, но и не предоставили ни автору, ни издательству возможности хоть какой-то дискуссии», — отметило в заявлении для прессы издательство «Компас-Гид», выпустившее «Полынную елку».

Писательница выяснила, что экспертом, осудившим книгу, стал проректор по воспитательной работе Уральского государственного педуниверситета Иван Попп. «Попытка внушить читателю неуважительное отношение к власти не только через товарища Сталина, но и местных руководителей наводит на мысль о разрушительном влиянии этого произведения на умы подрастающего поколения. В тексте не удалось найти ни одного сюжета с позитивным мнением о представителях советской элиты. Это искажает историческую правду о нашей стране, которая благодаря стратегии руководства смогла выстоять и победить», — написал проректор в экспертном заключении. По его мнению, в произведении говорится, что эмиграция является единственным избавлением от повседневных проблем, а это подрывает «основные позиции современной России по сбережению народа».

Автор заключения не комментировал свою позицию в прессе, отметив лишь, что его родители (Попп вырос в семье российских немцев) «вспоминали эти [описанные в книге] события иначе».

Иван Попп окончил педуниверситет в 2008 году по специальности «учитель истории». Руководит Всероссийским студенческим патриотическим проектом «Живая история». Трижды получал федеральные гранты на общую сумму 7,6 миллиона рублей. Награжден грамотой Министерства культуры РФ «За успехи в патриотическом воспитании».

Проректор по воспитательной работе Уральского государственного педуниверситета Иван Попп. Кадр из видео

Как выяснила Колпакова, книгу на исследование в педуниверситет передали из областного департамента внутренней политики. На основании экспертизы региональное министерство культуры разослало по районам письмо под грифом «конфиденциально» с требованием «не допустить использование указанного издания в образовательных организациях, библиотеках и учреждениях культуры».

Издательский дом «Компас-Гид» обратился в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук с просьбой провести полноценную экспертизу повести. Экспертами выступили профессиональные филологи — научные сотрудники Центра исследований детской литературы, входящего в состав ИРЛИ. Как заключили специалисты, «Полынная елка» «является качественным литературным произведением, адресованным детям, сохраняет и развивает гуманистические традиции русской литературы. О. Колпакова деликатно и бережно подошла к историческому материалу, смогла соблюсти баланс между правдивым изображением исторической действительности более чем полувековой давности и современными задачами по воспитанию в детях идей дружбы, равенства, взаимопомощи народов».

«Никому не важно, что думают профессионалы. Принимают решения в этой стране вовсе не они», — отметила Колпакова на странице во «ВКонтакте».

Достоверность событий, описанных в книге, подтверждает 86-летняя Мария Фитц, ставшая прототипом главной героини. «Это судьба не только моя, но и всех немецких детей, которых увезли, как ветром уносит песок, в великую, широкую Сибирь. Я выжила, многие другие — нет. Я помню каждый день, который я пережила», — [рассказала](#) госпожа Фитц Moskauer Deutsche Zeitung.

Мария Фитц, ставшая прототипом главной героини книги «Полынная елка». Фото: Юлианна Мартенс / Moskauer Deutsche Zeitung

«Нам приходилось выгонять свиней из хлева в пять утра, а роса на траве была ужасно холодной. Мы всегда бегали босиком, и наши ноги были в крови. Дома мы опускали ноги в раствор с содой, который готовила бабушка. Это было невероятно больно. Мы, маленькие дети, были обузой для наших матерей, лишним ртом, который постоянно требовал еды. Хуже всего было весной, до того, как появится молодая картошка. Тогда почти нечего было есть, — вспоминает Мария Фитц. — Если вы говорите, что рассказывать это детям нехорошо, это неправильно. Они должны знать, что приносит война и что такое война».

Госпожа Фитц не помнит точно, когда смогла позволить себе на Рождество настоящую елку. «Должно быть, когда я уже выросла. Я вышла замуж сразу после школы. Семья мужа жила в 36 километрах от нашего села. Мы поселились в свинарнике с его

родителями».

Мария Фитц стала учительницей немецкого языка в школе, где училась Ольга Колпакова. Сейчас госпожа Фитц живет в Германии. У нее взрослые правнуки.

Показательной оказалась реакция читателей на скандал с «Полынной елкой». Еще в июле 2022-го, как только появились первые сообщения о запрете книги, ее раскупили в издательстве, на маркетплейсах и даже на «Авито».

* Внесен(а) Минюстом РФ в реестр «иноагентов».

** Соцсеть принадлежит компании Meta, деятельность которой в России признана экстремистской и запрещена.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Неосуловизм](#)

Какие инструменты использует Кремль для уничтожения современной русской культуры

13:06, 8 февраля 2024, Андрей Сапожников

[Платон – мне друг, но... пропаганда](#)

О противоречиях списка запрещенных на «Мегамаркете» книг

12:52, 21 февраля 2024, Виктория Артемьева

[«Спишите книги, машина приедет — заберет»](#)

Московские библиотеки изымают «идейно чуждых» авторов. Как? А что происходит в школах со ссылками на «нехороших писателей»?

13:39, 3 февраля 2024, Марина Виноградская

[«Сорокина не читал, но осуждаю» — 2](#)

О механизме сегодняшних книжных репрессий в России на примере романа «Наследие»

11:58, 27 января 2024, Виктория Артемьева